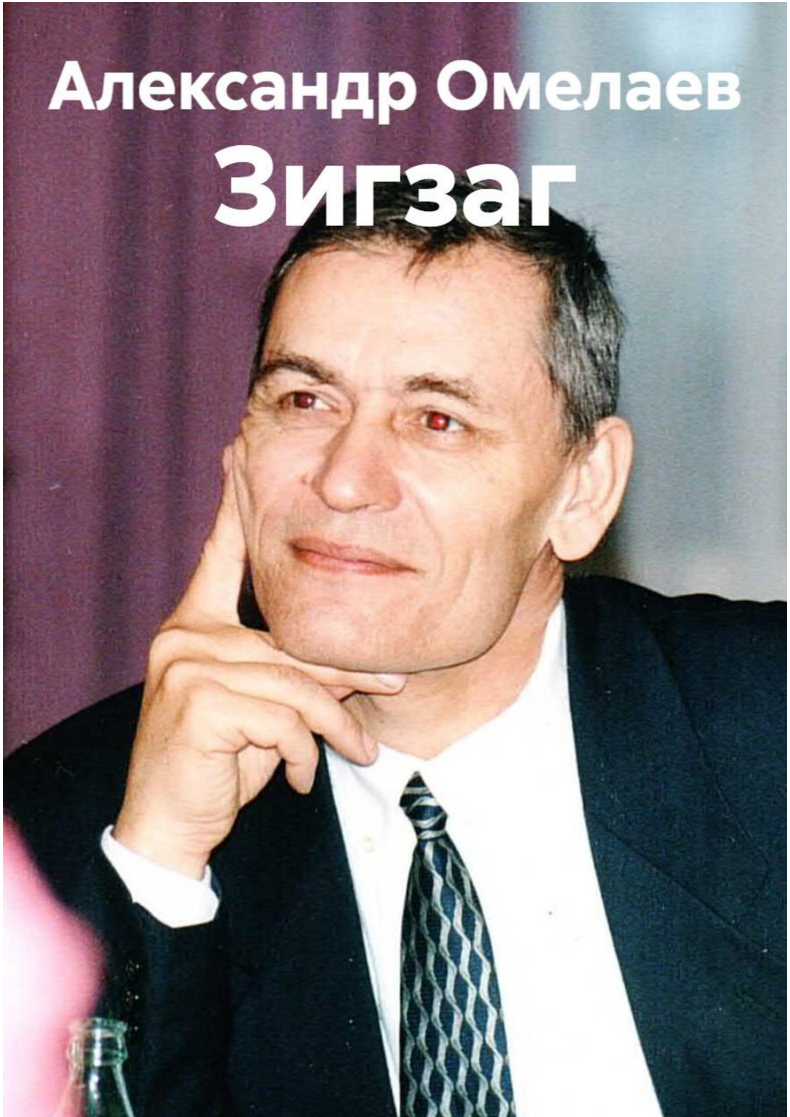
Александр Омелаев

Зигзаг

Александр Омелаев
Зигзаг

https://litres.ru/74816619
SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1958 года. В глухой сибирской деревне Кирюшки на высоком яру Оби происходят два пустяковых события: нечёткая надпись на сельсовете, превращает её в загадочный «Соль-Совета», а корова Зорька, слизывая мучной клейстер с агитационного щита, съедает газетный портрет Хрущёва, оставив на доске только его шляпу. Бдительный Терентий Митрофанович, сохранивший закалку тридцатых годов, строчит фиолетовыми чернилами сигнал о «вражеской вылазке» и «политическом зигзаге». Попав в жернова государственной машины, деревенский курьёз за считаные дни обрастает «шпионским радиоцентром», «тайной сетью» на Васюгане и «резервом диверсантов» на подступах к секретным объектам Томска. По тревоге подняты обком, Лубянка, ГРУ, Средмаш и Академия наук, а десант столичных генералов застревает в Томской гостинице «Север», выясняя, кто у них главный. Распутать «великий кирюшкинский зигзаг» берутся двенадцатилетний фотограф-сыщик Стёпка Шерлохолмов, его друг Герка Дорн и бывший саратовский доцент Карл Иванович!

Зигзаг

Трилогия «Уклон»
Книга первая

ЗИГЗАГ

Александр Омелаев

Эпиграф

- Реальность — это иллюзия, хотя и очень настойчивая.

- Только две вещи бесконечны — Вселенная и человеческая глупость, хотя насчёт Вселенной я не уверен.

- Безумие — это делать одно и то же снова и снова и ждать разных результатов.

Альберт Эйнштейн

1. Оглавление

1. Оглавление
2. От автора
3. Кирюшки, «Соль-Совета» и корова Зорька
4. Анонимка на Зорьку
5. Ответный шаг райкома КПСС
6. КГБ СССР вступает в дело
7. Лубянка берёт дело в свои чистые руки
8. В дело с коровой Зорькой вступает ЦК КПСС
9. Кирюшкинский «зигзаг» добирается до Кремля

10. Никита Сергеевич лично разбирается с «зигзагом» в Томске
11. Томский обком ищет «зигзаг» в Кирюшках
12. Резидент «зигзага» уходит в Новоюгино
13. «Пуд соли» обретает государственное значение
14. Лубянка берёт Новоюгино в плотное кольцо
15. Каргасокский райотдел МВД поднят в ружьё
16. Герка Дорн находит в кустах «мышей под веником»
17. Столичный десант занимает гостиницу «Север» и ищет главного
18. Метеорология выправляет великий «зигзаг»
19. Историческая и географическая справка
20. Историческая справка об упомянутых должностных лицах СССР
21. Послесловие
2. От автора

Вместо предисловия

Сибирская деревня конца 1950-х: корова съела газету с Хрущёвым, а Кремль и Лубянка ищут шпионов. Иронический детектив с юным сыщиком.

Эта небольшая повесть родилась не за письменным столом и не в тишине читального зала, а на высоком, продуваемом осенними ветрами берегу Оби — там, где в большую сибирскую реку впадает тихая речушка Кирюшка, а за спинами огородов начинаются бескрайние клюквенные рямы и васюганские топи.

В конце шестидесятых годов мне самому довелось собирать клюкву в этих местах. Тогда на обском яру ещё стояло несколько крепких бревенчатых изб, к берегу причаливали рейсовые катера и юркие «Казанки», а местные жители называли свою деревню и речку ласково и просто — Кирюшка, хотя на старых географических картах она значилась с буквой «п» — Кипрюшка. Прошли десятилетия, деревня попала под безжалостную кампанию ликвидации «неперспективных посёлков», избы опустели, заросли тальником и иван-чаем, и сегодня на карте Томской области там осталось лишь тихое слово «урочище». Но люди, воздух, речная вода и та особая сибирская жизнь, в которой трагическое и смешное всегда ходили рука об руку, никуда не исчезли — они остались в памяти.

Эта книга — сознательное переплетение яви и художественного вымысла. Вымысла здесь, пожалуй, на грош, а яви — почти сто процентов.

В ней вы снова встретите героев, знакомых по моим предыдущим книгам «Альтернатива» и «Уклон», — повзрослевшего в них, а здесь ещё четырнадцатилетнего Герку Дорна из васюганского села Новоюгино, его отца Иоганна Дорна, с прототипом которого, сибирским немцем Яковом Дорном, мне довелось сидеть за одним хлебосольным столом, и юного кирюшкинского сыщика Стёпку Шерлохолмова с его заветным двух объективным фотоаппаратом «Любитель». Я сознательно оставил на карте повести название Ки-

рюшки и позволил себе лёгкую авторскую вольность в хронологии кабинетов и должностей, чтобы свести в одном пространстве подлинных людей той эпохи — от простого деревенского учителя, сосланного в сорок первом году из Саратова на Васюган, до хозяев высоких московских кабинетов на Лубянке, Старой площади и в Кремле.

Для чего написана эта книга? Прежде всего — для того, чтобы не забыть, как устроена большая государственная машина, когда она теряет связь с живой землёй и здравым смыслом. В конце пятидесятых годов страна только-только начинала оттаивать после суровых сталинских десятилетий, но старый страх никуда не делся — он просто сменил вывеску. Слово «уклон» вышло из моды, и на смену ему пришло более осторожное, витиеватое словечко — «зигзаг». И достаточно было одной корове слизать вкусный мучной клейстер с районной газеты, оставив на доске объявлений одинокую шляпу Первого секретаря, а одному перепуганному председателю сельсовета — написать по старой привычке донос на соседа, как гигантский бюрократический маховик раскрутился от обского яра до Кремля, поднимая по тревоге генералов, академиков и атомщиков.

Эта повесть — попытка посмотреть на ту эпоху без злобы, но с горькой и трезвой иронией. Показать, что там, где бессильны министерства, ведомства и межведомственные комиссии, жизнь всё равно спасают простые, нормальные люди: старый учитель, честно делающий своё дело; мальчиш-

ка с фотоаппаратом и ключом морзянки; таёжный паренёк с самодельной подзорной трубой и обычный дежурный синоптик, у которого голова на плечах оказалась крепче, чем у десятка генералов.

Для кого эта книга? Для тех, кто помнит запах фотопроявителя в тёмной бане, тарахтение подвесного мотора «Москва» на утренней реке и вкус горячей картошки с солёными груздями после долгой дороги. Для тех, кто любит Сибирь не по парадным открыткам, а по её настоящей, суровой и светлой душе — с её спец поселками, великими реками и людьми, которых не сломили ни ссылка, ни мороз, ни глупость начальства. И, конечно, для сегодняшнего читателя — чтобы, улыбнувшись над приключениями коровы Зорьки и вывеской «Соль-Совета», он лишний раз убедился: любой «политический зигзаг» рано или поздно выпрямляется, если на земле остаются люди, способные отличить коровье копыто от вражеского следа.

Приятного чтения. И пусть на вашем пути встречается поменьше зигзагов.

3. Кирюшки, «Соль-Совета» и корова Зорька

Конец 1950-х для Кирюшки и окрестностей Красного Яра на реке Обь Кривошеинского района Томской области — колоритнейший период, который сам подбрасывает готовые детали для сюжета книги с иронией о том времени.

Атмосфера и транспорт. Главная дорога — Обь: пароходы, баржи, моторные лодки, пристань-дебаркадер или

остановочный пункт «Кипрюшка». Осенью, в сезон клюквы и ореха, деревня отрезана распутицей, и любой чужак на берегу сразу на виду. Дорог в деревушку не существовало как класса — только по воде или зимой по льду.

Быт и колорит эпохи. Хрущёвская оттепель в сибирской глубинке: радиоточки на столбах, сельпо в соседнем Красном Яру, колхозные бригады, лесосплав, охотники-промысловики, ссыльные и спецпоселенцы прошлых лет, чьи судьбы причудливо переплелись с местными старожилами.

Повод для иронической интриги. В деревне на десяток дворов все знают, у кого сколько мешков клюквы припрятано, и кто какую брагу ставит, поэтому любая «загадочная пропажа», подмена или приезд столичного ревизора превращаются в развлечение и комедию для жителей с сибирским характером.

Завязка этой истории простая — корова.

Для Кирюшки и окрестностей *(кстати, районная газета в Кривошеино называлась «Заря», и свежую прессу на пристань в Кирюшку действительно привозили речным путём с пересадками, так что завозная газета на доске объявлений — реалистичная деталь!)* эта история моментально раскручивается в настоящий детектив.

Деревня Кирюшка стояла на высоком обском яру, где речушка с тем же именем впадала в большую воду, а за спинами огородов сразу начинались бесконечные клюквенные рямы и болота. Тридцать бревенчатых изб, потемневших от

дождей и времени, жались друг к другу в одну кривую улицу, сбегавшую к речному причалу.

Самым справным строением на всю округу оставался сельсовет. Когда-то этот пятистенок на высоком подклете срубил для себя крепкий мужик Боголюбов — с резными наличниками, тесовой крышей и широким крыльцом, куда не стыдно было выйти в праздник. В тридцатые Боголюбова с семьёй отправили ещё дальше на север, в Новоюгино, а в доме поселилась советская власть.

Вывеску над входом рисовал местный счетовод Пашка — человек грамотный, но после фронтовой контузии ещё на Гражданской войне слегка торопливый. Места на треугольном дощатом фронтоне крыльца оказалось впритык, и красной краской в два ряда вышло крупно и криво:

СЕЛЬ-
СОВЕТ

Потом, правда, кто-то тонкой кисточкой втиснул после «т» маленькую, виноватую букву «а», а «е» издали читалась как «о». И издалека, особенно с реки, так и читалось — «**Соль-Совета**», словно здесь не дела государственные решали, а ведали исключительно солёными груздями да бочковой селёдкой.

По обе стороны от крыльца вкопали два деревянных щита. Левый, выкрашенный в тревожный сурик, пугал прохожих противопожарным инвентарём: на гвоздях висели багор, лопата, конусное ведро и мятый огнетушитель, который

последний раз проверяли ещё при Сталине. Правый щит служил окном в большой мир — на него мучным клейстером лепили районную газету «Заря», приходившую из Кривошеино с оказией на рейсовом катере.

Вся тихая кирюшкинская жизнь рухнула в один сентябрьский вторник, и виной тому были четыре вилка поздней капусты.

Соседка Марфа, баба сухая, жилистая и до крайности принципиальная, поутру обнаружила в своём огороде свежие коровьи лепёшки и четыре обглоданные кочерыжки. С ограды то ли ветром, то ли скотом или злоумышленником были свалены на землю три жердины. След копыт вёл через этот проход прямиком к плетню, у которого мирно жвачила пегая корова Зорька, принадлежащая соседке Пелагее. Марфа, не снимая фартука, отправилась в Соль-Совета требовать сатисфакции и возмещения убытков.

Однако председатель сельсовета, человек мягкий и страдающий от поясницы, вникать в капустную драму не захотел. Он отмахнулся: мол, бабьи дрязги, сама ограду чини, нечего государственное учреждение по пустякам отвлекать.

Марфа обиды не стерпела. Раз местная власть на сторону трудового огорода не встаёт — значит, правду надо искать выше. Вернувшись домой, она достала из комода ученическую тетрадь в косую линейку, послюнявила химический карандаш и принялась выводить жалобу в район. Описав вероломство Зорьки и преступное равнодушие председателя,

Марфа на секунду задумалась — для весомости сигнала не хватало политического масштаба. И тут она вспомнила, что видела утром возле щита с газетой «Заря».

В конце письма, аккурат перед подписью, Марфа приписала: «А ещё доводим до вашего сведения, что при полном попустительстве местного руководства та же самая корова Зорька вчерась у „Соль-Совета“ сжевала товарища Хрущёва с передовицы. И теперь на доске от него осталась одна только шляпа в воздухе висеть, что для колхозников и проходящих мимо речников являет собой картину несознательную».

Письмо ушло в Кривошеино с вечерним катером. В Кирюшках до конца навигации оставалось три-четыре недели.

В райисполкоме бумагу читали долго и с выражением. Сам председатель в это время был в Томске на совещании по заготовке кормов, его первый заместитель уехал проверять льнозавод, и разбираться по советской линии в Кирюшки отрядили второго заместителя — человека осторожного, носившего скрипучий портфель и привычку взвешивать каждое слово на невидимых политических весах.

Сойдя с катера на кирюшкинский берег, замзама первым делом прошёл мимо кривой вывески «Соль-Совета», покосился на ржавый огнетушитель и остановился перед газетным щитом. На выцветшей полосе «Зари», ровно над обгрызенным краем газеты, действительно парила одинокая, ни к чему не привязанная шляпа Первого секретаря.

Замзама долго молчал, потирая переносицу, потом обер-

нулся к побледневшему председателю сельсовета и произнёс тихо, но веско:

— Нет, товарищ дорогой… На «уклон» это, положим, не тянет. Времена нынче не те, чтобы ярлыки сгоряча вешать. Но налицо — явный «зигзаг»! И с этим зигзагом нам с вами придётся разбираться по всей строгости советской линии.

С этого момента и начинается сама история: замзама начинает допрашивать деревню по всем правилам, а у каждого в Кирюшках обнаруживается свой маленький «зигзаг» (кто клюкву налево сдал, кто клейстер из колхозной муки сварил, а кто и вовсе к щиту ночью подходил не за тем, чтобы газету читать, хотя на отшибе у государственного учреждения исправно нёс службу дощатый туалет).

Но в Кирюшках был один человек, который смотрел на происходящее не с испугом и не с политическим прищуром, а с холодным, научным азартом.

Двенадцатилетний Стёпка Шерлохолмов (происхождение его диковинной фамилии заслуживало отдельной истории, хорошо известной всей округе) считал себя сыщиком по призванию и в будущем твёрдо намеревался поступить в томскую милицию, а то и вовсе в столичный МУР. Свой главный инструмент — двухобъективный фотоаппарат «Любитель» в потёртом дерматиновом футляре — Стёпка берёг пуще глаза, а плёнку проявлял ночами в бане при красном фонаре, накрытом отцовской шапкой.

Едва по деревне разнёсся слух о капустном погроме и

письме в район, Стёпка понял: дело пахнет крупным скандалом, а в таких делах главное — успеть зафиксировать вещественные доказательства, пока заинтересованные лица не замели следы.

Ещё накануне вечером, выбрав минуту, когда Марфа ушла за водой, а у «Соль-Совета» никого не было, Стёпка пробрался в огород. Склонившись над шахтой видоискателя, он аккуратно сфокусировался и дважды щёлкнул затвором: снял обглоданные кочерыжки и характерный отпечаток раздвоенного копыта в сырой грядке. А затем перебежал к сельсовету и на последних кадрах плёнки запечатлел знаменитый газетный щит — с одинокой шляпой Никиты Сергеевича и неровным, подозрительно сухим краем обрыва бумаги.

Расчёт у юного Шерлохолмова был безошибочный: едва катер с районным начальством отвалит от берега, перепуганный председатель непременно отмочит остатки «Зари» тёплой водой, замажет щит свежим номером, а Пелагея выдернет у соседки Марфы кочерыжки на корм свиньям, чтобы скрыть преступление своей Зорьки. И тогда истина канет в Обь. Но против широкого кадра шесть на шесть сантиметров никакая тряпка не поможет — негатив врать не умеет.

Правда, глядя в квадратное окошко видоискателя на шляпу Первого секретаря, Стёпка уже тогда заметил одну странность, которая никак не вязалась с официальной версией про корову Зорьку…

Замзама председателя райисполкома, человек тёртый и в

глубине души незлой, уезжал из Кирюшек с твёрдым намерением дело замять, но — с соблюдением всех правил бюрократической страховки.

Вернувшись в Кривошеино, он запёрся в кабинете и составил справку на полторы страницы. В ней аккуратно сообщалось, что факт утраты изображения Первого секретаря на агитационном щите действительно имел место по причине безнадзорного выпаса крупного рогатого скота (коровы по кличке Зорька, принадлежащей гражданке Пелагее), однако злого умысла не усматривается, с председателем сельсовета проведена разъяснительная беседа, а сам щит приведён в надлежащий вид.

Уже поставив подпись, замзама задумался. А ну как Марфа, баба неуёмная, напишет ещё выше — в область? Тогда спросят: почему по советской линии сигнал отработали, а партийную инстанцию в известность не поставили? И на всякий случай, приписав в углу карандашом про «отдельные проявления идейного зигзага на местах», он отправил второй экземпляр справки третьему секретарю райкома КПСС.

Третий секретарь райкома, мужчина молодой, энергичный и давно метивший в кресло второго, прочитал бумагу с карандашным прищуром. Слово «зигзаг» зацепило его, как блесна щуку. В преддверии отчётно-выборной конференции упустить такой козырь было бы непростительной близорукостью.

Взяв чистый бланк, третий секретарь переписал историю

заново. Безнадзорная корова Зорька в его изложении превратилась в «симптом опасного самотёка в массово-политической работе прибрежных сельсоветов». Исчезновение газетного портрета обрело черты «идеологической слепоты местного актива, допустившего глумление над печатным словом партии в глухом медвежьем углу района». А одинокая шляпа на доске объявлений зазвучала почти как символ буржуазного перерождения. Написав докладную и прежде чем поставить точку, третий секретарь Кривошеинского райкома КПСС Ипполит Остапович Бендеров крепко задумался.

Перо его замерло над чернильницей-непроливайкой, а взгляд упёрся в висевшую на стене политико-административную карту района. Ипполиту Остаповичу было тридцать четыре года, костюм на нём сидел с иголочки, комсомольский задор ещё не выветрился, а в груди горел тот самый неугасимый огонь, который одних людей толкает на освоение целины, а других — вверх по аппаратной лестнице.

«Третий секретарь райкома — это, конечно, уже хорошо, — размышлял Ипполит Остапович, поглаживая ладонью гладкий край стола. — В районе тебя каждая собака знает, в президиумах в первом ряду сидишь, на праздник на трибуну пускают. Но впереди-то целая лестница! Если сидеть сложа руки и ждать, пока само собой рассосётся, так до пенсии в третьих секретарях и просидишь, будешь лекции про международное положение в клубах читать да за стенга-

зетами следить. А тут такой случай подвернулся — вскрыть и исправить политический „зигзаг“ на корню!»

Ипполит Остапович прищурился, глядя на чёрный кружок с надписью: «Кривошеино» в самом центре карты, и вдруг его осенила мысль поистине государственного, почти философского масштаба.

«А ведь если глянуть глубже… Откуда вообще в наших краях взялся этот самый „зигзаг“? Почему в других районах люди живут ровно, по прямой генеральной линии, а у нас то корова портрет съест, то на сельсовете „Соль-Совета“ напишут?! А не вызван ли этот зигзаг самой, так сказать, топонимической кривизной нашего района и райцентра?! Ведь как называется наше село? Кривошеино! Район — Кривошеинский! Какое-то старорежимное, купеческое, непрямое название — словно кто-то шею набок свернул! А от кривизны и зигзага, если вовремя не поправить, рукой подать и до настоящего политического „уклона“! Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт…»

У Ипполита Остаповича от собственной прозорливости даже слегка закружилась голова.

«А что, если мне прямо сейчас, в этой самой докладной, не ограничиваться одной коровой Зорькой, а выйти с большой, смелой идеологической инициативой?! Взять и предложить: в целях окончательного искоренения кривизны и выправления кирюшкинского зигзага переименовать село Кривошеино и весь Кривошеинский район! Назвать его, к при-

меру, Советским… Нет, Советских по стране пруд пруди, не заметят. А ещё лучше — Ленинским! Ленинский район Томской области! Звучит-то как — прямо, гордо, монолитно! В Ленинском районе никаких зигзагов и кривизны уже по определению быть не может!»

Мысли Бендерова понеслись вскачь, обгоняя одна другую.

«Глядишь, в области такую инициативу оценят по достоинству, и меня за идейную зрелость сразу вторым секретарём райкома сделают! А там и первый секретарь уже на горизонте — наш-то старик всё равно на пенсию собирается, поясницей мается. А где первый секретарь в районе — там, глядишь, и в Томский обком заберут, третьим секретарём области по идеологии!»

Тут у Ипполита Остаповича и вовсе перехватило дыхание: областной масштаб напрямую выводил его на высокие московские ступени, к кремлёвским звёздам и кабинетам на Старой площади.

«А там, чем чёрт не шутит, и третьим секретарём всего СССР стать можно!..»

Правда, Ипполит Остапович не был до конца уверен, существует ли в Центральном Комитете должность именно третьего секретаря всего СССР, но рассудил, что на самом верху разберутся — ради такого масштабного кадра и должность учредить недолго.

Бендеров с победным видом обмакнул перо в чернильни-

цу, не стал ставить точку, а решительно вывел с новой строки: «В порядке конструктивного предложения по выправлению линии…» — и размашистым почерком приписал в конец докладной целый абзац о назревшей политической необходимости переименования Кривошеинского района в Ленинский.

Снабдив докладную грифом «Для служебного пользования», третий секретарь положил её на стол второму секретарю райкома — с намёком, что готов лично возглавить комиссию по искоренению зигзага на корню.

Второй секретарь, человек суровый и опытный, сразу понял, куда клонит третий, но и сам подставляться не собирался. Если в районе завёлся «зигзаг», о нём лучше доложить первому секретарю раньше, чем это сделают доброжелатели. И к вечеру на стол первого секретаря райкома легла уже пухлая папка, где фигурировали «нездоровые настроения в деревне Кирюшки», «недобитые кулацкие корни» (тут припомнили и бывший дом выселенного в тридцатые Боголюбова!) и «прямой вызов линии партии на местах».

Тем временем в самих Кирюшках о надвигающейся буре никто не подозревал — кроме двенадцатилетнего Стёпки Шерлохолмова, который в тёмной бане при свете красного фонаря с изумлением рассматривал мокрый негатив, только что вынутый из проявителя…

А в реальности что мы имеем: наверху — папка пухнет, приплетают даже дом кулака Боголюбова и Новоюгино, со-

бирается уже серьёзная выездная комиссия из района (а то и из Томска), а внизу — у Стёпки на негативе и в блокноте складывается совершенно земная, смешная и человеческая разгадка всей этой истории, способная в один миг лопнуть этот номенклатурный мыльный пузырь.

4. Анонимка на Зорьку

Бдительный почерк Терентия Митрофановича. В каждой уважающей себя советской деревне, даже если в ней всего тридцать дворов и один кривой телеграфный столб, обязательно водится человек, который спит вполглаза, а слушает в оба уха. В Кирюшках эту почётную, никем не оплачиваемую должность бессменно занимал Терентий Митрофанович — мужчина сухощавый, жилистый, с лицом цвета прошлогодней осиновой коры и вечно поджатыми губами, словно он только что раскусил неспелую черёмуху и с тех пор принципиально не желал разжимать челюсти.

Официально Терентий Митрофанович числился председателем кирюшинского сельсовета. Должность эта была общественной, неоплачиваемой, поэтому он был и кладовщиком при колхозе. Правда, и колхоза уже давно не было, а складик остался, вот там он и сидел — выдавал со скрипом гвозди по счёту, взвешивал овёс на безмене и следил, чтобы бабы не унесли в подоле лишней горсти комбикорма. Но истинное своё призвание он видел гораздо шире. Для Терентия Митрофановича мир делился на две неравные части: на себя самого — последнего часового на переднем крае — и

на всех остальных, в ком при должном усердии и хорошем освещении всегда можно было разглядеть скрытый умысел, шатание или, на худой конец, мелкое вредительство.

Привычка эта выработалась у него не вчера и не от хорошей жизни. В тридцать седьмом, когда по обским берегам гулял холодный ветер больших проверок, молодой ещё Терентий вовремя смекнул: в суровое время выживает не тот, кто громче всех кричит «ура» на собрании, а тот, у кого чернила в чернильнице не пересыхают и почерк разборчивый.

Писал он тогда обстоятельно, с душой, выводя каждую букву с нажимом, как наградной лист: про соседа, который по пьянке не так помянул заём индустриализации; про счетовода, у которого дед до революции держал две лишние лошади и самовар на ведро; про бакенщика, который якобы подавал фонарём условные знаки проходящим мимо баржам. Многих после тех аккуратных тетрадных листков увезли на пароходах ещё севернее и восточнее — туда, где берег низкий, мошка густая, а обратных билетов в кассе не продают. А кое-кто и вовсе сгинул в томских подвалах под сухую, как щелчок затвора, формулировку о высшей мере.

Сам Терентий Митрофанович ничуть не считал себя злодеем. Напротив — по ночам, когда за стенкой мерно посапывала глуховатая жена, а в углу трещал сверчок, он любил перебирать в памяти те давние дела с тихим, государственным удовлетворением.

«Вот ведь как, — думал он, глядя в закопчённый потолок

и поглаживая сухими пальцами шершавое одеяло. — Время-то нынче пошло жидкое, травоядное. Никита этот всё про кукурузу да про мирное сосуществование талдычит, амнистий понавыпускали, спецпоселенцев с комендатуры сняли — ходи кто куда хочет, хоть на Оби селись, хоть в Томск кати! А бдительность-то куда девать?! Если я глаза закрою — они же завтра весь сельсовет на растопку пустят, а послезавтра и самого Хрущёва с доски отдерут! Нет уж, дудки. Пока у Терентия Митрофановича в пузырьке фиолетовые чернила есть, враг в Кирюшках не пройдёт!»

Особенно раздражал его этот приезжий немец, Карл Иванович. Ишь ты — бывший доцент, очки в тонкой оправе, с ребятишками ласковый, вежливый, по реке на «Казанке» разъезжает, словно барин какой, да ещё проволоку над крышей натянул и вечерами в ящике своём пикает: «ти-ти-та-та»! Ну разве нормальный советский человек станет по ночам пикать в сторону юга, когда все порядочные люди давно спят или в крайнем случае щи вчерашние дохлёбывают?! Ясное дело — шпион недобитый! И мальчишку этого, Шерлохолмова *(в оригинале: Шерлохолмсова)*, к себе привадил — ходят вдвоём, щёлкают своим «Любителем», высматривают чего-то…

И когда в то памятное утро Терентий Митрофанович, идя проверять замки на амбаре, увидел на агитационном щите одинокую газетную шляпу Первого секретаря, а над крыльцом — издевательскую, как ему показалось, вывеску «Соль-

Совета», сердце старого стукача сладко и тревожно ёкнуло.

«Попались, голубчики! — торжествующе подумал он, чувствуя, как в пальцах зазудело знакомое, давно забытое вдохновение тридцать седьмого года. — Доигрались в демократию! Это вам не корова хвостом махнула — это самый настоящий политический зигзаг налицо! Сейчас я вас всех на чистую воду выведу — и доцента с антенной, и председателя-растяпу, и всю эту вашу соль вместе с советами!»

Общественный председатель кирюшкинского сельсовета Терентий Митрофанович был человеком старой, ещё довоенной закалки и сидел в своём кресле бессменно с того самого тридцатого года, когда по его аккуратному, написанному фиолетовыми чернилами сигналу вывезли в Новоюгино крепкого мужика Боголюбова. С тех пор Терентий Митрофанович усвоил главную науку выживания: если сверху пахнет грозой, нельзя сидеть и ждать, куда ударит молния — надо самому указать ей подходящий громоотвод.

Появились они на свет в один год — десятый, — но прожили эти без малого полвека по разные стороны жизни.

Едва катер с замзама скрылся за обским поворотом, Терентий Митрофанович поспешил домой. Упоминание «зигзага» в устах районного гостя не сулило ничего хорошего. Надо было действовать на опережение.

И подходящий громоотвод в Кирюшках имелся.

В дальнем конце улицы, в покосившейся избе с высоким шестом во дворе, жил местный учитель — Карл Иванович

(впрочем, в деревне его звали просто Иванычем). До сорок первого года он был доцентом в Саратове, читал лекции по физике и математике, но в августе сорок первого, как немец Поволжья, пошёл по этапу вместе с тремя сотнями земляков — в ту самую васюганскую тайгу, в спецпосёлок переселенцев Новоюгино. После войны ему разрешили перебраться поближе к Оби, и в Кирюшках он прижился: в крохотной школе при сельсовете в одной большой комнате вёл сразу все четыре, а иногда, когда были ученики, и до седьмого класса, благо учеников на всю деревню набиралось пять-шесть душ — от первоклашки Петьки до шестиклассника Стёпки *(в оригинале: Антошки)* Шерлохолмова, который бегал к Иванычу ещё и за книжками, да и бог знает зачем.

Но больше всего Терентия Митрофановича всегда тревожила длинная медная проволока, натянутая от конька учительской избы к высокой берёзе на краю огорода. Антенна. Зачем простому деревенскому учителю, который и так всё знает, ловить что-то из воздуха? По вечерам в окне у Иваныча светился зелёный глазок самодельного приёмника, и председатель всякий раз, проходя мимо, косился на этот провод с тяжёлым подозрением.

Он почти бегом припустил домой, запер дверь на крючок, достал из комода бережно хранимую пачку школьных тетрадей в косую линейку, окунул стальное перо № 86 в пузырёк с фиолетовыми чернилами и, поправив на носу очки, вывел печатными буквами «В районный отдел» и, старательно

меняя почерк, принялся излагать: мол, пока в районе ищут причины порчи портрета Первого секретаря, под самым носом у советской власти бывший спецпереселенец немецкой национальности, ровесник века и человек с тёмным доцентским прошлым, соорудил у себя на крыше подозрительную антенну. И неизвестно, какие именно голоса он там ночами выслушивает и не его ли это рук дело — подрыв авторитета руководства на отдельно взятом сельском газетном щите…

Запечатав конверт, председатель вышел из дома и, проходя мимо «Соль-Совета», бросил взгляд на свежую газету «Заря», намертво приклеенную к щиту свежим клейстером, и с облегчением перевёл дух. Старый способ ещё ни разу его не подводил.

Стёпка ещё не знал, что над головой его учителя уже сгущаются районные тучи и что по реке на всех парах идёт бумага с печатными буквами Терентия Митрофановича. Сам же юный сыщик в тот вечер пребывал в самом рабочем, деловом расположении духа.

Свой осмотр места происшествия он провёл с педантичностью, которой позавидовал бы любой следователь областной прокуратуры. Помимо обглоданных вилков на огороде Марфы и одинокой шляпы на доске объявлений, Стёпка обнаружил у самого крыльца Свой осмотр места происшествия он провёл с педантичностью, которой позавидовал бы любой следователь областной прокуратуры. Помимо обглоданных вилков на огороде Марфы и одинокой шляпы на доске объ-

явлений, Антошка обнаружил у самого крыльца Соль-Совета ещё две решающие улики. Во-первых, в сырой утренней земле у щита чётко отпечатались два раздвоенных копыта — глубоко вдавленных, будто корова стояла здесь долго и с удовольствием. А во-вторых, на занозистом деревянном поручне крыльца застрял целый клок рыже-пегой шерсти: полизавши сладковатого мучного клейстера, Зорька с чувством выполненного долга почесала о перила бок, а на земле ещё и оставила свой неоспоримый след в виде трёх окладистых лепёшек.

Всё это Стёпка бережно зафиксировал на плёнку «Любителя», не поленившись подложить рядом с копытным следом спичечный коробок — для масштаба, как учила книжка «Занимательная криминалистика».

Отсняв последнюю кадровую рамку, Стёпка зашагал в дальний конец деревни — к дому с высокой антенной.

Вечерами у учителя было тепло и пахло сухими берёзовыми дровами, канифолью и старыми книгами. Та самая медная проволока над крышей, которая так не давала покоя Терентию Митрофановичу, спускалась через фарфоровый изолятор прямо к самодельному коротковолновому передатчику на столе. Никаких вражеских голосов Карл Иванович, разумеется, не ловил: ещё три года назад Томское бюро погоды оформило бывшего саратовского доцента внештатным наблюдателем на этом глухом обском перекате. Трижды в сутки учитель снимал показания с будки во дворе — темпера-

туру воздуха и воды, силу ветра, облачность — и отстукивал ключом морзянки в Томск, чтобы речники на Оби и Чулыме знали, не ждать ли шторма или раннего ледостава.

Для Стёпкиэти вечерние дежурства были лучшей школой на свете. Учитель разрешал ему самому выстукивать позывные и цифры сводки — медленно, старательно выговаривая про себя «дай-дай-за-ку-рить» и «я-бук-ва-жэ».

— Точка-тире, Степан, не части, — поправлял Карл Иванович, поглаживая седую бородку и поглядывая на часы с секундной стрелкой. — В Томске радист тоже человек, ему нашу кирюшкинскую погоду ещё на карту наносить. Ну-ка, передавай ветер: северо-западный, три метра…

За окном темнела сентябрьская Обь, мерно попискивал в наушниках контрольный сигнал из Томска, а в кармане у Степана лежала катушка с плёнкой, которой суждено было взорвать весь тщательно выстроенный председателем Сель-Совета районный «зигзаг».

Два встречных бюрократических поезда неслись друг на друга на всех парах!

Первая ветка тянулась по партийно-советской линии: жалоба Марфы — зам-зама райисполкома, почуявший лёгкий «зигзаг», — третий секретарь райкома, раздувший «зигзаг» ради карьеры, — и, наконец, второй секретарь райкома, который спал и видел себя на месте первого. Он раскатал уже четырёхстраничную докладную первому секретарю и для полной гарантии успеха кинул копию в районный отдел КГБ

— «на всякий случай, пусть знают, кто в районе проявляет истинную бдительность!».

Вторая ветка раскручивалась по линии милицейской: анонимка Терентия Митрофановича про «бывшего саратовского немца с антенной». Председатель, наученный тридцатыми годами, в КГБ писать поостерёгся — знал, что та машина не разбирает, кто написал, и может перемолоть всех, включая самого сигнализатора. Он отправил бумагу в районный отдел МВД.

А точкой пересечения стал тихий кабинет чекистов. Молодой следователь милиции, вскрыв конверт про «немецкую антенну» и «порчу портрета Первого секретаря», покрылся холодным потом и побежал к начальнику райотдела МВД — и тот в ту же минуту сбагрил горячую картофелину по подследственности в тот самый районный отдел КГБ!

И в итоге на стол уполномоченного КГБ с разницей в полчаса легли две независимые бумаги из одной глухой деревни Кирюшки: одна — от второго секретаря райкома партии (про «идейный зигзаг» и «кулацкое гнездо в деревне Кирюшки»), вторая — из милиции (про «немецкого доцента-шпиона с антенной», который якобы и стоит за надругательством над портретом). Для любого чекиста конца 1950-х такое совпадение из двух разных ведомств выглядело уже не как деревенская дурь, а политический, а то и шпионский крутой «зигзаг», разветвлённый антисоветский заговор на стратегической водной артерии Обь — Чулым!

5. Ответный шаг райкома КПСС

Если бы кто-то в Кирюшках мог заглянуть в те дни в районный центр Кривошеино, он бы решил, что над спокойной, широкой Обью сошлись две грозовые тучи, причём обе — из одного и того же стакана воды.

Второй секретарь Кривошеинского райкома КПСС Пётр Фёдорович Кукушкин — мужчина грузный, с тяжёлым подбородком, солидной лысиной и давно выношенной, но осторожной мечтой занять кабинет первого секретаря — читал докладную Ипполита Остаповича Бендерова дважды. Первый раз — с привычным снисходительным прищуром начальника, проверяющего домашнее задание нерадивого подчинённого, а второй — уже с выступившей на лбу мелкой испариной.

Дойдя до последнего абзаца, где третий секретарь предлагал «в целях окончательного искоренения кривизны и выправления кирюшкинского зигзага» переименовать село Кривошеино и весь Кривошеинский район в Ленинский, Пётр Фёдорович медленно отложил лист на зелёное сукно, откинулся в кресле и скрипнул зубами.

«Ах ты ж гусь комсомольский… — мрачно подумал второй секретарь, сверля взглядом аккуратный бендеровский почерк. — Вон куда замахнулся! Перепрыгнуть меня надумал! Пока я тут за корма, за льнозавод и за вывозку леса спину гну, он сидит в своём идеологическом закутке и целые районы на карте переименовывает! Да ещё каким име-

нем прикрылся — Ленинским!»

Пётр Фёдорович встал, заложил руки за спину и принялся тяжело расхаживать по кабинету, взвешивая на невидимых аппаратных весах и сладкий соблазн карьерного рывка, и старую, въевшуюся в кровь науку самосохранения.

В отличие от тридцатичетырёхлетнего Бендерова, у которого в голове уже звенели кремлёвские куранты, Пётр Фёдорович прошёл школу ещё довоенной и послевоенной районной закалки и отлично знал оборотную сторону высокой лестницы. Подниматься вверх, конечно, приятно — кабинет просторнее, телефон с прямым проводом на область, машина с шофёром под окном, да и уважения на старости лет побольше. Но вот беда: с каждой новой ступенькой ветер дует сильнее, а падать становится всё больнее. С нижних-то ступенек лететь недалеко — ну, пожурят на бюро, ну, переведут в заготконтору или директором льнозавода, отряхнулся, посидел тихо, глядишь, и жив остался, не смертельно. А вот если взлетишь высоко, в область или, не дай бог, в Москву, да там на каком-нибудь крутом «зигзаге» оступишься — там уж костей не соберёшь, шарахнешься так, что и имени твоего в сводках не останется!

«Нет уж, — рассуждал Пётр Фёдорович, потирая затылок, — дальше первого секретаря здесь, в районе, мне и рваться нечего. Тихо, сытно, земля знакомая, а до Москвы — как до луны, туда пусть молодые дураки лезут, шеи себе ломают. Но и здесь, у себя под носом, этому Бендерову дорогу уступать

нельзя! Если он меня с этой „ленинской инициативой“ обойдёт — так он меня же с моей второй ступеньки и спихнёт, а падать хоть и невысоко, но обидно на шестом десятке!»

Пётр Фёдорович оказался в классической аппаратной ловушке. Зачеркнуть последний абзац бендеровской докладной и выбросить в корзину было смертельно опасно: начни завтра кто-нибудь разбираться — и шустрый Ипполит Остапович тут же доложит в обком, что второй секретарь лично зарубил инициативу о присвоении району имени Владимира Ильича Ленина. Пропустить же бумагу наверх в первозданном виде означало собственными руками вручить третьему секретарю ключи от кабинета первого.

И тогда Пётр Фёдорович нашёл ход, достойный старого районного гроссмейстера — такой, чтобы и вверх шагнуть не слишком высоко, и подстраховаться со всех сторон, и Бендерова оставить на его третьей ступеньке.

«Погоди, Ипполит Остапович… Идея насчёт топонимической кривизны — штука, конечно, скользкая, но если её правильно повернуть… Ведь почему у нас в Кирюшках такой „зигзаг“ вышел? Не потому только, что район Кривошеинский, а потому, что третий секретарь райкома — товарищ Бендеров — ослабил идейно-воспитательную работу на периферии и допустил, чтобы на сельсовете висела безграмотная вывеска „Соль-Совета“! А переименование района — это вопрос государственный, тут мелочиться нельзя. Просто „Ленинский“ — это каждый дурак придумать может, таких

районов по Союзу десятка два наберётся. А вот если предложить назвать наш район Ильичёвским — тогда и кривизна вся разом выпрямится, и сразу будет видно, кто в райкоме по-настоящему политически мыслит, а кто только в третьих секретарях засиделся! А чтобы ни у кого в области не возникло сомнений в моей бдительности — сниму-ка я копию в районный отдел КГБ. Пусть чекисты тоже посмотрят: если дело серьёзное — я первый сигнал подал; а если ерунда — так вся инициатива про кривизну от товарища Бендерова пошла, с него и спрос!»

На душе у Петра Фёдоровича сразу стало легко и спокойно. Он сел за стол, пододвинул чистый лист бумаги и принялся переписывать бендеровскую докладную заново — от своего имени, расставив в ней все нужные запятые, оговорки и спасательные круги на случай внезапного падения с лестницы.

Заперев дверь на ключ, второй секретарь за два часа накатал первому докладную на четырёх убористых страницах. Скромная корова Зорька в этом труде окончательно растворилась в тумане истории, уступив место «системному провалу идейно-воспитательной работы», «притуплению классовой бдительности» и «недопустимому глумлению над образом руководителя партии и государства в отдельно взятом населённом пункте Кирюшки». А чтобы первый секретарь не вздумал положить бумагу под сукно, второй секретарь — исключительно в порядке партийной дисциплины и «на вся-

кий случай» — снял копию и отправил её с нарочным в районный отдел КГБ.

Вторая туча в тот же самый день поднялась по другой лестнице — милицейской.

Терентий Митрофанович, хоть и прожил жизнь в глухой деревне, нутром чуял границу, за которую лучше не заступать. Писать напрямую в органы госбезопасности он побоялся: память тридцатых годов крепко сидела в печёнках, а там, как известно, не всегда разбирают, кто первый крикнул «держи вора» — приедут и выметут всех подчистую, вместе с председателем. Поэтому свой аккуратный конверт про «немецкого доцента с антенной» Терентий Митрофанович адресовал в районный отдел милиции — рассудив, что милиция пошумит, оштрафует, припугнёт, но в большую политику не полезет.

Однако председатель не учёл одного: в районе все тоже боялись ответственности.

Дежурный следователь милиции, молодой лейтенант, вскрыл конверт после обеда. Прочитав про бывшего саратовского немца, самодельную антенну на крыше и оторванную голову товарища Хрущёва на сельсоветском щите, лейтенант побледнел так, что веснушки на носу стали цвета чернил. Какая уж тут кража капусты и нарушение правил выпаса! Тут пахло пятьдесят восьмой статьёй, шпионажем и вредительством.

Не дочитывая до конца, лейтенант схватил бумагу и бегом

бросился в кабинет начальника райотдела МВД.

Начальник кривошеинской милиции, майор Пантелеймон Поликарпович Перепелица — старый фронтовик с израненным боком, двумя орденами Красной Звезды и хронической язвой желудка, — в этот момент как раз разводил в гранёном стакане питьевую соду. Пробежав глазами фиолетовые каракули анонимки, Пантелеймон Поликарпович поперхнулся шипучей водой, крякнул и уставился на листок так, словно из конверта вылезла живая гадюка.

В голове опытного милиционера тут же закрутились шестерёнки, отточенные десятью годами службы в таёжной глубинке.

«Вот те и попил чайку с сушками, — мрачно подумал Перепелица, чувствуя, как под ложечкой привычно заныло. — И угораздило же этого кирюшкинского писаку сунуть свой конверт именно в мой ящик! Шёл бы себе в сберкассу или в общество охраны природы — так нет, в милицию попёрся».

Майор покосился на висевший над столом портрет Железного Феликса и мысленно прикинул расклад. С одной стороны, дело пахло крупным керосином: портрет Первого секретаря ЦК изуродован, да ещё и в связке с немецким учёным и неизвестной радиостанцией на слиянии двух великих сибирских рек. С другой стороны, Пантелеймон Поликарпович не вчера на свет родился и отлично знал главный закон районной номенклатуры: в политических делах инициатива наказуема вдвойне.

«Полезешь сейчас разбираться сам, — рассуждал он, прикидывая, стоит ли сыпать в стакан вторую щепотку соды, — выедешь на место, а там, глядишь, и вправду шпионский узел. Скажут: „Куда ты, Перепелица, со своим участковым наганом против империалистической разведки попёр? Следы затоптал, агентуру спугнул, госбезопасность не уведомил!“ А ежели там никакой разведки нет и просто дурак какой-то бумагу в Кирюшках попортил — всё одно крайним останешься: „Почему на политический инцидент отреагировал без согласования с органами?“ Нет уж, дудки! На фронте я из-под Кенигсберга живым вышел не для того, чтобы в пятьдесят восьмом году на чужой мине подорваться».

К тому же у Перепелицы на носу стоял квартальный отчёт по кражам колхозного сена, нераскрытый угон лошади в соседнем сельсовете и вечная нехватка бензина для единственного райотдельского «газика». Кормить из своего скудного фонда ещё и заезжих столичных ревизоров майор не имел ни малейшего желания.

Решение пришло мгновенно — ясное, как устав караульной службы. Пантелеймон Поликарпович решительно отодвинул стакан с содой и схватился за телефонную трубку — не для того, чтобы звонить в Кирюшки, а, чтобы немедленно сбыть этот горящий уголь из своих рук.

— Не нашей подследственности! — отрезал он стоявшему навытяжку лейтенанту, прикрывая трубку широкой ладонью. — Никакой уголовщины я тут не вижу. Тут чистая по-

литика, оскорбление руководства и неучтённый радиопередатчик! Немедленно в пакет, сургучом запечатать и под роспись — в районный отдел КГБ! И чтоб через десять минут у меня и духу этой бумаги в сейфе не было!

6. КГБ СССР вступает в дело

И когда к вечеру в тихом кабинете районного уполномоченного КГБ на одном столе сошлись две бумаги — четырёхстраничный трактат второго секретаря райкома о «политическом зигзаге» в Кирюшках и милицейский пакет про «неизвестную радиоточку в доме бывшего спецпереселенца» — даже видавший виды чекист впал в служебный ступор…

Сургучный пакет из милиции с пометкой «Совершенно секретно. Весьма срочно» лёг на зелёное сукно стола начальника Кривошеинского районного отделения УКГБ майора Нестора Пафнутьевича Скоробогатова в половине четвёртого пополудни.

Майор Скоробогатов был человеком старой, ещё бериевско-абакумовской закалки, чудом уцелевшим после недавних партийных чисток. Последние три года он жил в состоянии тихого, перманентного ступора, стараясь дышать вполсилы. С одной стороны, сверху требовали неусыпной бдительности против происков империализма. С другой — после Двадцатого съезда и развенчания культа личности за любой «перегиб на местах» можно было в два счёта положить партбилет на стол и отправиться в народное хозяйство — заведовать баней или лесопилкой.

Вскрыв милицейский пакет, Нестор Пафнутьевич надел роговые очки, пробежал глазами фиолетовые строчки анонимки про немецкого доцента и неизвестную радиоточку на крыше, и его аккуратно подстриженные усы мелко задрожали. Первые два часа майор ещё пытался уговорить себя, что бумага эта — плод пьяной горячки какого-нибудь деревенского сутяжника, и боялся дать делу ход раньше времени.

Но когда к вечеру в тихом кабинете районного уполномоченного КГБ на одном столе сошлись две бумаги — четырёхстраничный трактат второго секретаря райкома о «политическом зигзаге» в Кирюшках и милицейский пакет про «неизвестную радиоточку в доме бывшего спецпереселенца» — даже видавший виды чекист почувствовал, как по спине между лопаток пополз ледяной пот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.